

Русская разговорная речь как особая система
разговорная речь, норма, литературный язык, языковая система

Говоря о разговорной речи, мы в первую очередь представляем себе речь диалогическую, состоящую из коротких фраз-реплик, обращенных к собеседнику, рассчитанных на ответную реакцию. Это, как правило, простая речь, не осложненная причастными и деепричастными оборотами, зато изобилующая так называемыми «словами-паразитами». Такое представление о разговорной речи типично для большинства, однако следует понимать, что разговорная речь – это не просторечие. Это непринужденная устная речь образованных носителей языка, свободная от жаргонизмов. И мы, вслед за авторами книги «Русская разговорная речь», полагаем, что целесообразно говорить не только о разговорной речи, но и о разговорном языке как особой языковой системе [Земская 1981].

Ситуации, когда общение ведется непринужденно, естественно, спонтанно, определяются культурой и обычаями. И это, соответственно, отражается и в языке, и в речевых жанрах, и в речевом этикете.

Разговорную речь предлагается считать особой системой потому, что на каждом ее уровне (фонетика, морфология или синтаксис) действуют закономерности, свойственные именно разговорной речи в противоположность нормированному литературному языку. Что это за закономерности и чем они обусловлены? В самом общем виде они связаны с тем, что значительная часть информации содержится не в тексте самого высказывания, а в ситуации общения, взятой в целом, так называемая *конситуативность* разговорной речи. Соответственно, говорящий (неосознанно, но неуклонно) ориентируется на то, что слушающий без труда сумеет извлечь нужную ему, хотя и не присутствующую в явном виде, информацию, ведь слушающему в той же мере доступен многослойный контекст ситуации общения. Контекст складывается из времени и места действия, которые являются общими для участников коммуникации; мимики и жестов участников коммуникации, особенностей стиля общения, речевого этикета, принятого в данной среде, и т. д. Поэтому пропуски слов в разговорной речи – это не случайности, а закономерности ее структуры.

Конситуативность разговорной речи – это еще и общность так называемой «апперцепционной базы». Термин, характерный для научного лексикона 1910–1920-х гг., представленный в лингвистических трудах Л. П. Якубинского о диалогической речи и в литературоведческих трудах Л. Я. Гинзбург. Под общностью апперцепционной базы имеется в виду одновременно «общность прошлого опыта и одинаковое понимание того конкретного момента, когда происходит коммуникация» [Земская 2016: 112]. Для разговорной речи очень характерен «пропуск» тех фрагментов смысла, которые легко восстановимы из общности все той же апперцепционной базы. Это справедливо для самых разных конструкций. Например, так называемый

«нулевой глагол» во фразах типа *Я ему рубль; Ему суп; Это вы про Свету; Опять голова; А ты мылом*. Такие фразы абсолютно типичны и нормативны в разговорной речи и если бы мы пытались заменять «нулевой» глагол на «полноценный», то наша речь немедленно утратила бы разговорный характер. Наполнение такого «нулевого» глагола смыслом зависит как от наличного словесного контекста, так и от контекста внесловесного, т. е. от всей совокупности факторов, которые были названы конситуацией. Конструкция *Ты домой* может в одном случае осмысляться как «звонишь», в другом – как «едешь» или «идешь».

Другим интересным вопросом является понятие нормы в разговорной речи. Например, фраза *Ты живешь второй этаж, да?*, произнесенная изолированно, будет считаться неправильной. Но она естественна для живой разговорной речи, поэтому в разговорной языковой системе считается нормативной. Также нормативны для разговорного синтаксиса конструкции без союзов, например: *Завернула за угол – Ирина идет*; со свободным порядком слов, например: *Белый купи, пожалуйста, по дороге хлеб*. Вообще, поскольку разговорная речь в первую очередь устная, следует отметить, что представляемое нормой, будучи воспринятым на слух, воспринимается как неправильное или просторечное, будучи представленным в виде обычного письменного текста [Лаптева 1976].

Интересны наблюдения за морфологией и словообразованием разговорной речи. Например, фраза *Мне резалку, не мазалку*. Эта реплика произнесена в семье, где все ножи делятся на используемые для резания, т. е. острые, и те, которыми можно только мазать (масло, паштет и т. п.), отсюда *резалки* и *мазалки*. Или, например, другая реплика: *Тетиленины куда, в большую?* Здесь интересно образование притяжательного прилагательного *тетиленины* не от одного имени (как *мамин*, *Надин*), а от целого сочетания слов. Типичны для разговорного словообразования субъективные суффиксы: *бегодня*, *ребятня*, *возня*, *задиристый*, *хулиганистый*, *заюшка*, *домишко*, *детина*, *понятненько*, *остановочка* и под. В разговорной речи действуют более многочисленные регулярные модели словообразования, чем в кодифицированном литературном языке. Так, многие существительные, называющие «вещество», регулярно употребляются в значении «некоторое количество, порция данного вещества» [Земская 2016]. Но при этом в разговорной речи у соответствующих имен возникает счетная форма, которой нет в кодифицированном литературном языке. Так, например, в магазине мы часто говорим: *два молока*, *три кефира* (это могут быть бутылки, пакеты, пачки, коробки); в столовой: *два борща* (т. е. две тарелки), *две рыбы* (т. е. две порции рыбы, независимо от того, сколько кусочков эту порцию составляют) *два кофе* (две чашки); или, например, в аптеке: *три зеленки*, *два валокардина* (имея в виду количество флаконов), *две ваты* (т. е. две пачки).

Подход к разговорной речи как к особой системе, противопоставленной нормированному литературному языку, позволяет под новым углом зрения изучать не только саму разговорную речь и стратегии общения, но и ряд других важных проблем. Одна из них – это проблема речевых ошибок, поскольку понятие ошибки содержательно только в сопоставлении с

понятием нормы. Наличие в современном русском языке таких двух функциональных систем, как кодифицированный литературный язык и разговорная речь, влечет за собой представление о наличии в нем двух различных норм и, как следствие, уточнение того, нарушение какой именно нормы стоит за той или иной ошибкой. Грамматически правильные высказывания, следующие нормам литературного языка, оказываются вычурными и неестественными, если они автоматически перенесены в ситуацию устного общения. Грамматическая норма сохранена, а стилистическая – нарушена, и притом грубо. Ведь образованные люди в непринужденной ситуации не произнесут: *«Учитывая вашу неизменную аккуратность в соблюдении сроков возвращения взятых у меня на время книг, я, разумеется, не колеблясь, одолжу вам этот словарь на некоторое не слишком длительное время»*. Вместо этого вполне естественно будет сказать нечто вроде: *«Да / пожалуйста / возьмите / только ненадолго / я знаю вы человек аккуратный //»*.

Таким образом, системные свойства разговорной речи обнаруживаются при ее противопоставлении кодифицированному литературному языку. Среди важнейших таких системных свойств выделяются два противоположных по характеру, но, безусловно, типичных для разговорной речи явления: **синкретизм** и **расчлененность** [Русская 1973]. Синкретизм – это так называемое стяжение «многого» в одно, своего рода уплотнение; обратный ему процесс – это расчлененность. В плане содержания синкретизм проявляется в особой частоте бессоюзных структур типа *голова болит / выключи //; зонтик / промокнешь //*; фраз типа *это не доходя «Молока» //*. В плане выражения признак расчлененности проявляется в таких типичных для разговорной речи единицах, как неоднословные номинации типа *дай куда яблоки положить, есть чем писать, возьми чем укрыться*. Кстати, эти же выражения, будучи расчлененными по форме, являются синкретичными по содержанию, поскольку *куда яблоки положить* – это и пакет, и сумка, и корзина, а *чем укрыться* – это практически все, что может быть использовано для такой цели – от одеяла и пледа до пальто. С другой стороны, синкретизм в плане содержания проявляется в особой частоте слов-заменителей, слов-«пустышек» типа *вещь, штука, дело, всякие* и т.п. [Сиротинина 1974: 58]. В плане содержания такой феномен разговорной речи, как расчлененность, проявляется в высокой продуктивности производных слов, образуемых окказионально для мотивированного обозначения предметов и процессов (*хваталка, держалка* и под.), а именно в возможности создать по продуктивной модели нужное слово в любой момент.

Литература

- Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 240 с.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
- Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М.: Наука, 1976.
- Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. – М.: Наука, 1973. – 399 с.
- Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и её особенности / О. Б. Сиротинина. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.